

ИДЕАЛЫ В ПРАВЕ И ПРАВО В ИДЕОЛОГИИ: ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Королев Павел Евгеньевич,
студент Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
korolevmultipass@yandex.ru

© Королев П. Е., 2024

Аннотация. Автором анализируется проблема многоаспектного понятия отечественного суверенитета, соотношения общеобязательной государственной идеологии и национальной идеи. Для изучения поставленного вопроса с разных сторон применяются важнейшие положения теории государства и права, а также методология историко-правового анализа. Представляется, что суверенитет есть неотъемлемый признак любой державы, прошедшей весь хронологический путь от понимания собственной идентичности до этнического самосознания. С одной стороны, это верховенство государственной власти на неделимых территориях многонациональной федерации. С другой стороны, независимость и неотчуждаемость суверенитета составляют его внешнюю сторону, которая видится в отношениях государства с мировыми сообществами. Передоверяя свою автономию другому, держава рискует потерять свободу. Тем не менее следует помнить, что сущности суверенитета и неограниченной государственной власти сильно отличаются, ибо последняя в демократическом обществе должна основываться на праве и быть им ограничена. Данная мысль прямо сочетается с основой конституционализма, решающего проблему сосуществования морально-нравственных аспектов норм справедливости и власти законодательства. Многовековая история Российской Федерации как цивилизации с обширным материальным и духовным наследием, признающей идеологическое многообразие, доказывает первичность народного суверенитета по отношению к государственному. Отечественная хроника ярко демонстрирует, что в российской действительности и тотальная идеологизация, и отсутствие народных ценностей оказываются нежизнеспособны. Евразийская парадигма нашей державы, подобно маятнику, пребывающей на схождении пути Европы и Азии, заставляет реагировать на идеологические тенденции Запада и вбирать правовые идеалы Востока. Извечные споры, противостояния и рождение мифа обязуют суверена, не отрекаясь от реальности, наравне с народом хранить целостность русской идеи, присутствующей в отечественном самосознании.

Ключевые слова: идеология; суверенитет; государство; право; власть; народ; нация; русская идея; евразийство; конституционализм.

IDEALS IN LAW AND LAW IN IDEOLOGY: THE HISTORY OF DOMESTIC SOVEREIGNTY

Pavel E. Korolev,

Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

korolevmultipass@yandex.ru

Abstract. The author analyzes the problem of the multidimensional concept of domestic sovereignty, the ratio of compulsory state ideology and national idea. To study the question posed from different perspectives the author applies the most important provisions of the theory of state and law, as well as the methodology of historical and legal analysis. It seems that sovereignty is an integral feature of any power that has gone all the chronological way from understanding its own identity to ethnic identity. On the one hand, this is the supremacy of state power in the indivisible territories of a multinational federation. On the other hand, the independence and inalienability of sovereignty make up its external side, which is seen in the relations of the state with world communities. By delegating its autonomy to another, the power risks losing its freedom. Nevertheless, it should be remembered that the essence of sovereignty and unlimited state power are very different, because the latter in a democratic society should be based on law and be limited by it. This idea is directly combined with the basis of constitutionalism, which solves the problem of the coexistence of moral and ethical aspects of the norms of justice and the power of legislation. The centuries-old history of the Russian Federation as a civilization with an extensive material and spiritual heritage, recognizing ideological diversity, proves the primacy of popular sovereignty in relation to the State. The domestic chronicle clearly demonstrates that in Russian reality both total ideologization and the absence of popular values are not viable. The Eurasian paradigm of our power, like a pendulum, staying on the convergence of the path of Europe and Asia, forces us to respond to the ideological tendencies of the West and select the legal ideals of the East. Eternal disputes, confrontations and the birth of myth oblige the sovereign, without renouncing reality, on a par with the people to preserve the integrity of the Russian idea present in the domestic identity.

Keywords: ideology; sovereignty; state; right; power; people; nation; Russian idea; Eurasianism; constitutionalism.

В декабре 2023 г., заявляя о динамике развития страны через многообразие идей и мнений, глава российского государства В. В. Путин призывает выучить уроки истории: или наша держава будет суверенной, или ее попросту не будет. Вопрос самодостаточности «русского мира» и его независимости сегодня может похвастаться завидной актуальностью, вновь переплетаясь с политико-правовой проблематикой. Бесцельное движение чуждо многовековой державе, вследствие чего первые лица Российской Федерации выражают позиции о государственной идеологии. На текущий день обсуждение данного вопроса способно поместить по разные стороны баррикад В. Д. Зорькина и А. И. Бастрыкина, председателя верхней палаты отечественного парламента и министра юстиции.

Конституция РФ сегодня безальтернативно выдвигает несколько базовых пунктов. С одной стороны, носителем суверенитета, который распространяется на всю территорию державы, выступает многонациональный российский народ¹. С другой — прямо признавая идеологическое и политическое многообразие, Основной закон запрещает установление государственной или же обязательной идеологии. Модификация данных положений есть путь к проекту новой Конституции Российской Федерации и ее полному обновлению.

¹ Тумов Ю. П. Хрестоматия по истории государства и права России : учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2013. С. 448.

Нужно ли суверенному государству изложение на федеральном уровне целей общественно-политического строя? Или реформа базового юридического документа страны, по сути своей содержащего систему идеалов в нормативной форме, чревата национальным расколом? Для ответа мы обратимся к историко-правовому анализу, определив вначале категории суверенитета и идеологии.

Первый в рамках территории державы связывается с самостоятельностью, а также полноправием государственной власти в утверждении содержания своей деятельности или устройстве социального уклада². Донельзя коммуникативный термин государственного суверенитета не раз менял свои характеристики в ходе истории, тесно переплетаясь с экономикой, культурой, нацией. В понимании же обывателя рассматриваемое явление есть, скорее, автономия государства в сфере публичной дипломатии. Суверенитет — это объективный статус с внутренним и внешним компонентами: единство и верховенство на определенной территории государственной власти, ее международная независимость и неотчуждаемость.

В демократическом режиме, безусловно, основанный на праве суверенитет подвергается ограничениям, а также самоограничениям на мировой арене. Однако как быть с конституционным положением о многонациональном народе? Думается, народный суверенитет детерминирует национальный, что неуклонно подтверждается историей государства и права. Хроника демонстрирует нам: при любом режиме граждане или поданные, образовав множество народа, фиктивно-юридически соединяются в институте суверенной власти. В ходе установления последней народ будто перестает существовать, действуя одномоментно лишь в период присяги на верность или избирательного процесса. Итак, полновластие демоса над собой приводит к удивительной противоположности: отчуждаясь, его суверенитет сосредотачивается в месте, отрешенном от остального общества³.

Большая игра, навязанная миропорядком последних столетий, стремится превратить народ, не замечающий перманентные обманы суверенных властей, в управляемую массу. В вихре глобализации очень важно не потерять культурной идентичности, ибо суверен, чья воля единственна и уникальна, занят вопросами иного толка. Кажется, он всего лишь человек, но, размышляя об экзистенции будущего, правитель не спрашивает народ, а диктует идеологические смыслы⁴.

Так что же последние из себя представляют? Когда суверенитет властителя трансформируется в суверенитет государства, лицом к лицу мы встречаемся с проблемой идеологии. С одной стороны, можно говорить о сложном духовном институте, соединяющем подчас полярные политические и теоретико-правовые, философские, религиозные взгляды на социальную действительность. С другой стороны, идеология нашего времени — не только бумажные концепции, но и суверенные волевые решения, экономические программы, законодательные акты⁵.

Думается, что конституционный принцип, закрепленный ст. 13 Основного закона, следует рассматривать как возможность каждого отстаивать собственные взгляды и убеждения, а не в качестве скорейшей общественной деидеологизации или страха повторения судьбы канувшей в лету коммунистической партии. Это логическое развитие свободы мысли и слова, совести и вероисповедания, однако многими воспринятое в виде ценностной дезориентации Российской Федерации.

Тем не менее идеологическая функция государства, которое попросту не может прогрессировать без неделимой концепции, продолжает сосредотачивать общенациональный интерес. Такая миссия отдельными правительствами может трактоваться по-разному: как потребность в социальной интеграции и легитимации

² Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2017. С. 58.

³ Исаев И. А. Движение суверенитета: от центра власти к сети // История государства и права. 2023. № 3. С. 4.

⁴ Румянцева В. Г. Свободная воля суверена // История государства и права. 2023. № 10. С. 12.

⁵ Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М. : Норма, 2008. С. 372.

суверенной власти, попытка приобщения к тенденциям глобализации и прогноза вектора коллективного развития. Внимания же в нашей стране, устремленной к идеалам правового государства, заслуживает демократическая или надпартийная идеология конституционализма. Это уважение, соблюдение и защита Основного закона Российской Федерации как наивысшего достижения новейшей истории и ориентира будущего. Конституция железной силой права связывает не только многонациональный державный народ, но и общеобязательные экономические, политические, правовые, духовные ценности, представляющие из себя идейное содержание отечественной государственности⁶.

Для учреждения конституционализма в реальной жизни сегодня требуется должный уровень нормативно-правовой базы, юридических механизмов защиты государственного строя, сбалансированности разделения властей. Именно здесь усматривается высокая роль права, владеющего социальной и инструментальной ценностью. В современной эпохе вооруженных противостояний или локальных конфликтов решающее значение приобретает сражение за человеческие души в правовом поле — это проблема соотношения морально-нравственных аспектов норм справедливости и верховенства законодательства⁷. Последнее же есть мера дозволенного личности в ее социальном взаимодействии и способ достижения идейного компромисса. Идеалы отечественного конституционализма отмечены в ст. 2 Основного закона, говорящей о ценности человека, его прав и свобод.

Итак, среди государственных функций идеология и закон переплетаются теснейшим образом. Однако не следует впадать в крайности, забывая о том, что подчиненное, например, партийным убеждениям право становится марионеткой в руках своевольного суверена. С другой стороны, идеология демократичная и прогрессивная ориентирует логичное развитие законодательства, отражающего подлинные общенациональные интересы и основы конституционализма⁸.

Отечественная история хорошо демонстрирует, что в условиях российской действительности и тотальная идеологизация, и отсутствие народных ценностей оказываются нежизнеспособны. Думается, что приведенный тезис соответствует евразийской парадигме нашей державы, остро реагирующей на идеологические тенденции Запада, вбирающей правовые идеалы Востока, а также вынужденной, подобно маятнику, пребывать на пересечении Европы и Азии. Как суверенному государству и цивилизованному союзу многонационального народа, Российской Федерации по-прежнему требуется «золотая середина». Подмена национальной идеи чужеродными убеждениями чревата потерей автономии, а существование цивилизации в отрыве от политической самостоятельности невозможно⁹.

Наконец, попытаемся проследить то самое влияние извне, обратившись к памятникам истории государства и права. Действительно ли противопоставить отечественному идеалу православного самодержавия попросту нечего и русский человек, способный искренне подчиниться лишь власти единоличной, по своему характеру может быть только монархистом или же анархистом?¹⁰ Исследовать настроение отечественной правовой мысли и предугадать направление его будущего развития становится возможным при ознакомлении с древнерусскими актами. Трансформация местных обычаев здесь сосуществовала с международными договорами князя

⁶ Нерсисянц В. С. Конституционализм как общегосударственная идеология // Конституционно-правовая реформа в Российской Федерации : сборник статей / под ред. Ю. С. Пивоварова. М. : ИНИОН РАН, 2000. С. 7.

⁷ Зорькин В. Д. Право против хаоса : монография. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2023. С. 17.

⁸ Радько Т. Н. Об идеологической функции права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4 (93). С. 73.

⁹ Бабурин С. Н. Значение ценностной динамики российского конституционализма XX в. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5 (81). С. 135.

¹⁰ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М. : Университетская типография, 1905. Ч. 3 : Русская государственность. С. 243.

Олега и церковным правом Византийской империи, а положения Эклоги, Прохирона или указания восточных базилевсов интерпретировались в русских уставах. С принятием же православия авторитет религиозного мироощущения лишь продолжил усиливаться, оказывая влияние не только на культуру или психологию народа, но и на его законодательство.

Тем не менее не обошлось без западного влияния германских и шведских норм: геополитика и вольности варяжских традиций предопределили рождение Новгородской и Псковской судебных грамот. Сила же правового обычая позволяла зарубежным идеям проникать в национальные идеалы, связывая Салическую и Русскую Правды¹¹. Князь или посадник северо-западных земель теперь не могли судить несправедливо: «Да будет судья им Бог на втором пришествии Христа».

Политико-правовая теория после XV в. есть извечный спор нестяжателей и иосифлян, приводящий нас к зарождению концепции «Москва — третий Рим». Становление суверенных «боговенчаных самодержцев и государей всея Руси» сопровождалось определением их полномочий и решением споров о церковном имуществе. С одной стороны, избирая вместо богатства уединенное поселение и личный труд, Максим Грек впервые пишет о возможности как наследственного, так и выборного занятия престола в праведном государстве¹². Правда, сущность верховной власти по-прежнему видится нестяжателю реализацией божественной воли при участии «советующих лиц», которых за несоответствие нравственным идеалам ждало возмездие. С другой стороны, именно стяжатели, отстаивающие правомерность экономически мощной церковной организации, в конечном итоге получили поддержку Ивана III. Политико-правовая мысль Иосифа Волоцкого о преклоняющемся Церкве, но равном всем другим людям носителе божественной государственной власти быстро сменилась возвеличиванием суверена.

Впоследствии идеологическая конфронтация светской и духовной власти не раз отметится в истории Отечества, сопровождая становление абсолютизма в эпоху бунташного века и петровских преобразований. К сожалению, конфликт, окончившийся открытием Священного Синода, так и не станет продуктивным, уподобившись спору царя Ивана IV и князя А. М. Курбского, где противники не стремятся друг друга услышать, а истина заранее мертва. Когда «просвещенный абсолютизм» увидел французскую революцию, секуляризация и самодержавные идеи Екатерины II породили Е. И. Пугачева, «дней Александровых прекрасное начало» сменилось периодом реакции, настало время для движения декабристов.

Оказался ли прав поэт? Что нужно Лондону, то рано для Москвы? Быть может, подобным образом рассуждал А. А. Аракчеев, всецель которого привело к тому, что идеи М. М. Сперанского о триединстве власти и эволюционном пути развития империи через жалованные императором законодательные акты остались лишь на бумаге. В отсутствие реформирования «сверху» присутствовавшие на Сенатской площади встретили идеологию П. И. Пестеля и Н. И. Муравьева, подстегнутую заграничным походом отечественной армии. По мнению первого, благоденствие народа — это безопасность и благосостояние, а ненасильственное суверенное государство способно законно существовать при условии взаимных уступок республиканского правительства и граждан. Конституционные проекты декабристского Северного общества, в свою очередь, упрекали абсолютизм и высказывались о естественном праве, свободе и независимости русского народа, который усматривался источником власти. Немного выждав, А. Х. Бенкендорф уже заявит о крепостном состоянии как «пороховом погребе» под государством.

Вторая половина XIX в. — противостояние политико-правовых идеологий западников и славянофилов. Кажется, и в данном споре, корни которого следует наблюдать в упомянутом нами маятнике между Европой и Азией, разрешения не предвидится.

¹¹ Исаев И. А., Румянцева В. Г. Россия — Евразия: правовое заимствование европейских традиций // Вопросы истории. 2022. № 11 (2). С. 5.

¹² Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2003. С. 52.

Одни сограждане непременно согласятся с Н. Г. Чернышевским, разделяя теорию «разумного эгоизма» и идеологию общинного социализма, или посочувствуют П. Я. Чаадаеву. Еще у современника письма последнего вызвали живой отклик: «Палками бьют и в Сибирь посылают — мы не обижаемся! А тут, видите, зацепил народную честь — не смей говорить. Речь — дерзость»¹³. Тогда кто же оказывается виноват, выражаясь языком А. И. Герцена? И что делать?

В то же время всегда найдут сторонников традиционализм и консерватизм, евразийство или русская наднациональная мессианская идея, трактование права И. В. Киреевским как справедливости или воплощения христианской правды. По мнению славянофилов, западные ценности губят отечественный суверенитет, а проникновению их в национальную психологию способствует правящий класс, противостоящий народу. Оттого Петр Великий — царь ненастоящий, создавший отделенный от общества управленческий аппарат. Существо суверенной власти с 862 г. — никак не привилегия, но жертвенное бремя, олицетворяющее общую волю подданных. Когда же идеология православия, самодержавия и народности «заморозит» реформы Александра II, на горизонте замаячат апрельские тезисы.

Вторая половина XIX в. — не только противостояние. Одновременно это период творчества человека, чьи теории изваяли судьбы нескольких поколений соотечественников на почве вышеупомянутой справедливости, но не равенства. Конечно, речь идет о марксизме, ставшем однажды государственной идеологией, хотя и понимаемой как ложное сознание. Располагая в научной области конкретным материалом, идеолог работает с мышлением предшественников или своим собственным, не задумываясь об истинных побудительных силах¹⁴.

Подобным максимумом, осмелившемся претворить теорию на практике, и выступил В. И. Ленин, в классовых противоречиях ограничившийся идеологией или буржуазной, или социалистической¹⁵. Мы вновь вынуждены оказаться перед распутием отечественной истории — маятник избирает революцию. Говоря же о праве наций на самоопределение, а также возможности построения социализма в отдельном государстве, В. И. Ленин заявляет о захвате политической власти. Разуверился ли вождь в «ложном сознании», настаивая на новой экономической политике? Вероятно, ответ был известен «народному смирителю», уже в 1936 г. заявившему о завоевании пролетарской диктатуры на конституционном уровне.

Всё, что произойдет в дальнейшем, станет логическим продолжением. По К. Марксу, суверенитет — бессознательная субъективность и идеализм государства в качестве внутренней необходимости¹⁶. Это и есть особая идея, помноженная на следующий вопрос: не является ли иллюзией суверенитет, якобы пребывающий в одном индивидууме? В 1977 г. Коммунистическая партия Советского Союза, вооруженная марксистско-ленинским учением, уже признавалась руководящей и направляющей силой общества в борьбе за победу коммунизма. Это и был ответ.

Итак, подведем итог исследования отечественного суверенитета и русской народности, понимающей чуждые ей цивилизации и являющейся, быть может, примирительным синтезом идей, которые с упорством и мужеством развивает Европа в отдельных национальностях¹⁷. Суверенитет — сочетание, казалось бы, несочетаемого, связанное с существом государственной власти и объединяющее независимость «вовне» с господством «внутри». Без сомнения, правовая норма способна диктовать общеобязательное правило, однако персонифицированный

¹³ Герцен А. И. Сочинения / общ. ред. А. И. Володина, З. В. Смирновой. М. : Мысль, 1986. Т. 2. С. 204.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Политиздат, 1946. Т. 29. С. 228.

¹⁵ Ленин В. И. Собрание сочинений. М. : Государственное издательство, 1925. Т. 5 : Борьба за партию 1901–1904 гг. С. 148.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / ред. Д. Рязанова. М. : Гос. изд-во, 1928. Т. 1. С. 545.

¹⁷ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Л. : Наука, 1978. Т. 18 : Статьи и заметки 1845–1861 гг. С. 37.

суверен, говорящий от лица всех и каждого на территории неделимой державы, в своих действиях остается свободен.

Способен ли он искусственно формулировать национальную идеологию? Безусловно, если народ уже не способен себя идентифицировать, а сам суверен не страшится последствий перманентного обмана масс. Представляется, что идея всегда присутствует в отечественном самосознании, и задача суверенной власти заключается лишь в том, чтобы ее прочувствовать и возвести в правовую норму, не отрекаясь от реальности и самой народности.

По сей день Русь «несется, что бойкая необгонимая тройка», а иные народы и государства, косясь, дают ей дорогу. Идеи приоритета коллективного интереса над личным и высокая миссия православной державы у нас могут сочетаться с идеологией разумного индивидуализма. Свобода духа, культурная самобытность уживаются с призывами к персональному творческому развитию. В условиях же движения маятника и выработки под влиянием этого мифов все время надо быть смелым. Не допуская консервации отечественной мысли на бумаге, грамотный суверен наряду с народом призывается силой права хранить целостность русской идеологии, обеспечивая консолидацию национального организма.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бабурин С. Н.* Значение ценностной динамики российского конституционализма XX в. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 5 (81). — С. 130–136.
2. *Герцен А. И.* Сочинения / общ. ред. А. И. Володина, З. В. Смирновой. — М.: Мысль, 1986. — Т. 2. — 654 с.
3. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений. — Л.: Наука, 1978. — Т. 18. — Статьи и заметки 1845–1861 гг. — 371 с.
4. *Зорькин В. Д.* Право против хаоса: монография. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: Инфра-М, 2023. — 536 с.
5. *Исаев И. А.* Движение суверенитета: от центра власти к сети // История государства и права. — 2023. — № 3. — С. 2–9.
6. *Исаев И. А., Золотухина Н. М.* История политических и правовых учений России: учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 2003. — 415 с.
7. *Исаев И. А., Румянцева В. Г.* Россия — Евразия: правовое заимствование европейских традиций // Вопросы истории. — 2022. — № 11 (2). — С. 4–15.
8. *Кутафин О. Е.* Российский конституционализм. — М.: Норма, 2008. — 544 с.
9. *Ленин В. И.* Собрание сочинений. — М.: Государственное издательство, 1925. — Т. 5: Борьба за партию 1901–1904 гг. — 594 с.
10. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения / ред. Д. Рязанова. — М.: Государственное издательство, 1928. — Т. 1. — 664 с.
11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. — М.: Политиздат, 1946. — Т. 29. — 500 с.
12. *Морозова Л. А.* Теория государства и права: учебник. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: Инфра-М, 2017. — 464 с.
13. *Нерсесянц В. С.* Конституционализм как общегосударственная идеология // Конституционно-правовая реформа в Российской Федерации: сборник статей под ред. Ю. С. Пивоварова. — М.: ИНИОН РАН, 2000. — С. 6–10.
14. *Радько Т. Н.* Об идеологической функции права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2013. — № 4 (93). — С. 72–78.
15. *Румянцева В. Г.* Свободная воля суверена // История государства и права. — 2023. — № 10. — С. 11–14.
16. *Титов Ю. П.* Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. пособие. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2013. — 480 с.
17. *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. — М.: Университетская типография, 1905. — Ч. 3. Русская государственность. — 244 с.

REFERENCES

1. Baburin SN. Significance of value dynamics of the 20th-century Russian constitutionalism. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021;(5):130-136, doi.org/10.17803/2311-5998.2021.81.5.130-136. (In Russ.).
2. Gertsen AI, Volodin AI, Smirnova ZA (ed.). Works. Vol. 2. Moscow: Mysl Publ.; 1986. (In Russ.).
3. Dostoevskiy FM. Complete Works. Vol 18. Articles and Notes dated 1845–1861. Leningrad: Nauka Publ.; 1978. (In Russ.).
4. Zorkin VD. Pravo protiv khaosa [Law vs Chaos]. 3rd ed. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2023. (In Russ.).
5. Isaev IA. Исаев И. А. The Movement of Sovereignty: From the Power Center to a Network. *History of State and Law*. 2023;3:2-9. (In Russ.).
6. Isaev IA, Zolotukhina NM. History of political and legal teachings of Russia. 2nd ed. Yurist Publ.; 2003. (In Russ.).
7. Isaev IA, Rumyantseva VG. Russia-Eurasia: Legal Adoption of European Traditions. *Voprosy istorii*. 2022;11(2):4-15. (In Russ.).
8. Kutafin OE. Rossijskij konstitutsionalizm [Russian Constitutionalism]. Moscow: Norma Publ.; 2008. (In Russ.).
9. Lenin VI. Collection of Works. Vol. 5. Moscow: State Publishing House; 1925. Vol. 5. Struggle for the Party in 1901–1904. (In Russ.).
10. Marx K., Engels F. Ryazanova D (ed.). Writings. Vol. 1. Moscow: State Publishing House; 1928. (In Russ.).
11. Marx K., Engels F. Writings. Vol. 29. Moscow: Politizdat Publ.; 1946. (In Russ.).
12. Morozova LA. Theory of the State and Law. 6th ed. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2017. (In Russ.).
13. Nersesyants VS. Constitutionalism as a State Ideology. In: *Constitutional Law Reform in the Russian Federation: Collection of Articles*. Moscow: INION RAN; 2000. (In Russ.).
14. Radko TN. An ideological function of law. *Vestnik of the Saratov State Law Academy*. 2013;4(93):72-78. (In Russ.).
15. Rumyantseva VG. Free Will of the Sovereign. *History of State and Law*. 2023;10:11-14. (In Russ.).
16. Titov YuP. Textbook on the history of the state and the law of Russia. 4th ed. Moscow: Prospekt Publ.; 2013. (In Russ.).
17. Tikhomirov LA. Monarchical Statehood. Part 3. Russian Statehood. Moscow: University Publishing House; 1905. (In Russ.).